

*Петр Рябов*

**Человек бунтующий:  
философия бунта у Михаила  
Бакунина и Альбера Камю**

Михаил Александрович Бакунин и Альбер Камю . . . Эти два имени не случайно соседствуют здесь. Оба эти мыслителя, жившие в разных странах и в разные столетия, сделали категорию «бунта» одним из основополагающих понятий своих оригинальных учений о человеке. Но если у Бакунина встречаются лишь отдельные, не приведенные в систему мысли о бунте, то у Камю бунт становится важнейшей категорией.

По мнению Михаила Бакунина, бунт является одним из трех важнейших признаков «всякого человеческого, как индивидуального, так и коллективного, проявления в истории», наряду с человеческой животностью и мыслью. Именно через бунт рождается личность, творчество, свобода, происходит вочеловечивание человека. Бунт, таким образом, является важнейшим и специфически человеческим качеством. Но что понимает Бакунин под словом «бунт» и против чего этот бунт направлен?

Вопреки распространенному стереотипу, Бакунин, этот пламенный бунтарь, понимает под бунтом отнюдь не тотальное отрицание, не безграничное разрушение. В своих произведениях он настойчиво указывает на границы бунта и на его относительность. По его убеждению, невозможен и лишен всякого смысла бунт абсолютный, бунт против Природы как мирового целого или против «второй природы» — Общества. Вне Природы и Общества для Бакунина ничего не существует, нет ничего сверхъестественного, и за их рамки выйти человеку не дано. Природа и Общество в целом — это почва, на которой мы вырастаем, поле, на котором мы обречены вести свою игру. Но против данной природы и данного общества человеку можно и должно бунтовать, преобразуя мир и себя в мире, рождая в борьбе специфически человеческую реальность. Ведь принять всю данность окружающего, мириться со всем злом и несовершенством мироздания — значит, по Бакунину, предать человеческий жребий, отречься от свободы. Невозможно как тотальное отрицание Природы и Общества, так и абсолютное принятие данной природы и данного общества. Познавая себя и законы, управляющие природой, обществом и им самим, человек одновременно частично освобождается от гнета этих законов, расширяет зону своей автономии, преодолевает сковывающие его узы в окружающем мире и в себе самом. Поэтому понятно, что огромное значение в человеческом бунте принадлежит мысли и науке, при помощи которых человек выделяется из окружающего мира и как бы «присваивает себе», по выражению Бакунина, законы, управляющие этим миром. В процессе этого бунта, пишет Бакунин, человек «добивается постепенно сбрасывания ига внешней природы, ига своих собственных естественных несовершенств и . . . ига авторитарно установленной социальной организации». Рассматриваемое под этим углом зрения развитие как отдельной личности, так и всего человечества в целом, есть бунт — бунт, опирающийся на исходные условия среды и одновременно отрицающий их. В такой трактовке бунта не как абсолютного и однократного акта, но как процесса, сочетающего в себе моменты отрицания и созидания, очень ярко

проявилась виртуозная диалектика Бакунина, нашедшая свое воплощение в его известном девизе: «Дух отрицающий есть дух созидающий, страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть».

Переходя от общефилософского рассмотрения бунта к его конкретным формам, Бакунин останавливается на таких видах бунта, как бунт человека против внешней природы (понимаемой в узком смысле слова); против своей собственной внутренней природы — точнее, против элемента «животности» в ней, вытесняемого растущей свободой, отождествляемой им с человечностью; бунт против Бога как сакральной основы любой идеальной и реальной тирании; бунт против любого внешнего авторитета, навязываемого личности извне и воплощаемого прежде всего в Государстве. Неоднозначным является отношение Бакунина к бунту личности против общества. В тех случаях, когда общество влияет на личность благотворно, способствуя развития мысли и свободы, бунт, конечно же, не нужен. В тех случаях, когда общество давит и поработывает личность, развращает ее, бунт человека против общества в котором он живет, становится необходимым, как условие его духовного самосохранения. Бакунин подчеркивает, что Государство, всегда воздействующее на человека грубо, извне, насильственно, как бы само провоцирует на бунт против себя, и этот бунт многократно легче, нежели бунт человека против общества — предшествующего ему, окружающего его, незаметно и естественно формирующего индивида по своему образу и подобию. В таком случае, говорит Бакунин, «человек должен, по крайней мере отчасти, восстать против себя самого, ибо со всеми своими материальными, интеллектуальными и моральными задатками и стремлениями он сам есть лишь продукт общества».

В целом, говоря о понятии «бунта» у Бакунина, надо отметить его многогранность и неоднозначность в учении великого русского анархиста. Эта категория трактуется Бакуниным в разных местах его работ под несколько различными углами зрения, с разной степенью обобщения. С одной стороны, Михаил Александрович рассматривает «бунт» предельно широко, как синоним свободы и человечности, как неотъемлемый признак и элемент человеческого существования, как процесс развития человека, одновременно и вырастающего из почвы Природы и Общества, и связанного с этой почвой, и отрицающего, преобразующего ее. Надо добавить, что на эти мысли наложила отпечаток идея линейного прогресса природы и общества, являющаяся общим местом для большинства мыслителей XIX века. С другой стороны, он трактует категорию «бунта» более узко, как лишь частный момент свободы, один из ее компонентов, причем компонент сугубо отрицательный, не исчерпывающий всего ее содержания. Наконец, нередко в произведениях Бакунина речь идет о конкретных формах бунта против конкретных же форм и явлений природы и общества — против божественного, государственного или общественного авторитета, против внешней бесчеловечной природы и внутренней животности человека. Как я уже отметил, Бакунин не систематизировал свои мысли о

бунте, и приведенный здесь их обзор является несколько упрощенной, но в целом адекватной их реконструкцией.

Эти мысли о бунте для Бакунина принципиально важны, ибо позволили ему утвердить в мире, связанном жесткой закономерностью, человеческое начало, служа своеобразным гуманистическим противовесом исповедуемому им всеобщему детерминизму. Хотя эти мысли и не были развиты Бакуниным, но можно без преувеличения утверждать, что в учении о бунте Михаил Александрович почти на столетие опередил свое время и явился предшественником экзистенциальной философии бунта Альбера Камю.

Камю пытается найти ответ на великий вопрос, со всей остротой поставленный перед человеком современной эпохой: что мне делать и можно ли жить, если Бога нет, мир не имеет смысла, а я смертен? Для Камю абсурд, изначально дочеловеческая и внечеловеческая бессмысленность мироздания, есть стихия человеческого существования, и поэтому достойным ответом человека на этот абсурд как раз и является непрерывный, безнадежный и героический бунт. Знать о своей смерти, не убегая от этого горького знания, и тем не менее жить, вносить в бессмысленный мир свой человеческий смысл — это уже означает «бунтовать». В таком бунте рождаются все человеческие ценности: смысл, свобода, творчество, солидарность. По Камю, абсурд начинает иметь смысл, когда с ним не соглашаются. Бунт изначально обречен на поражение, ибо смертен и отдельный человек, и человечество в целом. Именно в бунте человек — единственное животное, способное к бунту, к осознанию своей смертности, свободы и ответственности, — утверждает и свою личную индивидуальность, и общечеловеческую солидарность, и человеческий смысл, выраженный Камю в лаконичной формуле: «Я бунтую, следовательно, мы существуем». Тем самым категория «бунт» из метафоры или узкополитического понятия превращается в важную характеристику человеческого существования.

Бунт, по Камю, есть своего рода балансирование на острие ножа между двумя, с виду противоположными, но в сущности сходящимися воедино крайностями: крайностью тотального принятия, конформизма и крайностью тотального отрицания, нигилизма. И то и другое ведет к разрушению человека и человеческого мира. В первом случае человек отказывается от борьбы, от свободы, от себя, принимает мир целиком, каков он есть, со всеми его гнусностями и абсурдом, во втором — не выдержав борьбы, дезертирует, неизбежно идет к аморализму, убийству и самоубийству.

Альбер Камю подробно рассматривает все тупики и искушения этой «вселенной бунта», богато иллюстрируя свои рассуждения литературными, историческими, философскими примерами.

Осознав абсурд мира, человек может испугаться, отвернуться, бежать в миражи, либо, напротив, уйти из жизни, как Кириллов в «Бесах» Достоевского. И в том, и в другом случае — самоубийство, распад личности и человеческой реальности. Напротив, жить, не питая иллюзий, вносить в мир смысл, пре-

образовывать вселенную, совершая подвиг Сизифа — это путь, достойный человека. И на этом пути личность проходит от изначального одиночества и потери всяческих ориентиров — к гуманистической солидарности свободных людей, отрицающих и самоубийство и убийство других людей. Ведь личность немыслима вне человечества, и все люди объединены одним общим бременем — бременем знания и свободы. Бунтующему человеку не нужны ни рабы, ни господа — ему нужны такие же свободные люди. Такие люди не стремятся раствориться в объективном мире, не ищут утешения в кумирах Прогресса, Науки или в исторических мифах, — они свободны и ответственны, они честно несут свою тяжелую ношу по жизни, не предавая человеческий удел. Отрицая богов и вечность, они утверждают свое время, свое настоящее, единственное, трепетное, неповторимое, в конечном счете, — самих себя.

Бунтуя, человек не убегает из мира, и не принимает его полностью, но преобразует его и тем самым вочеловечивается сам. Рассматривая дороги и перепутья «вселенной бунта», Камю, в частности, показывает, что в политике тотальное отрицание ведет к тому же рабству и диктатуре, что и тотальное принятие существующего порядка: прометеи превращаются в цезарей, сверх-человеки начинают нуждаться в рабах.

Яркий и показательный пример бунта — искусство. Камю пишет: «Искусство не есть ни тотальный отказ, ни тотальное согласие с тем, что есть». Искусство — и отказ, и согласие одновременно. Ибо тотальное отрицание в искусстве ведет к чистому формализму, к отрыву и уходу от мира, а тотальное принятие — к чистому «фотографическому реализму»: и то, и другое абсолютно бесплодно, тогда как истинный художник и принимает мир, используя его материал для своих творений, и переделывает его, накладывая на косное вещество мироздания неповторимый отпечаток своего стиля.

Так, на многочисленных примерах, Камю показывает эти Сциллы и Харибды бунта, прокладывая ориентиры для трагической, но свободной и мыслящей личности, солидарной с другими такими же личностями — для Человека Бунтующего.

Философия бунта Камю — выдающееся достижение гуманистической мысли современности. Она возникла в пламени антифашистского Сопротивления и была основана на осмыслении катастрофического опыта XX века, поставившего под сомнение само существование человека. Но еще задолго до Камю в середине XIX века многие глубокие прозрения и интуиции, предваряющие его философию бунта, были высказаны русским анархистом М.А.Бакуниным. Эта философия Бунта, честная и человеческая, помогает человеку живущему в нашем жестоком, растерянном и абсурдном мире, найти прочную опору. Но эта опора — не удобные и унижительные костыли для жалкого инвалида, это — оружие сопротивления, вкладываемое в руки бойца, сражающегося в окопах современности.

Библиотека Анархизма  
Антикопирайт  
21 мая 2012



Петр Рябов  
Человек бунтующий: философия бунта у Михаила Бакунина и Альбера Камю

**[bakunista.nadir.org](http://bakunista.nadir.org)** (15 ноября 2011)